

*В. М. Михеев,
доктор социологических наук,
первый проректор
Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ: «ВЫСШАЯ ИДЕЯ»

В теоретическом наследии русского мыслителя-культуролога второй половины XIX в. Н. Я. Данилевского (1822–1885) особое место занимает идея славянского единства, «высшая идея», вытекающая из анализа исторической судьбы России, ее призвания и роли в мире, которая до сих пор вызывает у исследователей различные мнения и подходы, в том числе и у иностранных авторов. Никто пока еще не дал удовлетворительного или общепризнанного ответа на все возникающие здесь вопросы, и неясно, будут ли они найдены когда-либо. Тем не менее эта тема влечет к себе, не дает покоя, требует ответа...

Мысль о всесиилии идеи, овладевшей сознанием целого народа, волновала не только Данилевского, но и многих его современников. Взгляды ученого явились своеобразным зеркалом, в котором отразилось время. Философ С. М. Корелин тогда писал: «Можно истребить в борьбе целую нацию, потому что люди смертны; но нельзя задушить идеальной потребности, потому что жизненная идея бессмертна и на известной степени культурного развития с непреодолимой силой овладевает человеком, к какой бы национальности он ни принадлежал и какое бы положение ни занимал в данном обществе» [4, с. 57].

Данилевский не был единственным, кто соединил мечту о духовном единении народа с надеждой на освобождение славянства и воссоединение его с Россией. Славянский вопрос обсуждался на страницах журналов и литературных произведений, волновал известных писателей: Тютчева, Тургенева, Хомякова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Успенского, Достоевского, Толстого и многих других, кто был неравнодушен к судьбе отечества. Ученый поставил принцип приоритета национального начала во главу угла своей философии истории, следуя в целом той европейской традиции, которая периодически возрождала (Италия – XIV в., Германия – XV в., позже – Франция, Испания, Англия, США) идеи «обетованной земли» и «избранного народа» – наследника Римской

империи. По мнению А. Тойнби, аналогичное зерно, посеянное в русскую почву, дало серьезные исторические последствия, которые и в середине XX в., возможно, еще не развернулись в полной мере [11, с. 495]. Быстрая смена событий в мире православия и его русской боковой ветви, драматический контраст между падением Константинополя и триумфом Москвы, по мнению британского исследователя истории, произвели глубокое впечатление на воображение русских [11, с. 495]. В «Постижении истории» Тойнби приводит точку зрения Н. Зернова (Зёрнов, Zernov), который считает, что «расширение нации, рост империи – это обычный внешний признак внутреннего убеждения народа, что ему дана особая миссия... которую он должен выполнить. Неожиданное превращение маленького Московского княжества в самое большое государство в мире невольно привело его народ к мысли, что он наделен миссией спасти восточное христианство» [цит. по: 11, с. 495]. И эта вера в уникальную судьбу России и ее вселенскую миссию в XIX в. нашла отражение в славянофильском учении и движении.

На наш взгляд, «высшая идея» – это осознание народом своей самобытной истории, культуры и определение цели, перспектив развития на каждом историческом этапе. Без спланированной, объединительной идеи нет народа, а есть только то, что называется в обыденной жизни термином «население». Любой народ силен подъемным, восходящим настроением, появившейся перед ним благородной целью.

Эта проблема не менее актуальна и сегодня. Объединительная идея может сплотить общество и направить на преодоление тех важных проблем, которые требуют своего решения. Как отмечал ученый-экономист и государственный деятель России конца XX в. Л. И. Абалкин, если речь идет о действительно крупных переменах, то для их успеха непременно надо поставить перед собой масштабную цель, способную объединить и вдохновить нацию, страну [1, с. 30]. Это азбучная истина теории успеха.

До сих пор отдельные критики, рассматривая наследие Н. Я. Данилевского, называют его националистом чуть ли не с большой буквы, а на Западе одним из основоположников тотальной, тоталитарной философии (Г. Кон, Э. Таден, Дж. Уолден и др.), своеобразного феномена, охватившего в XX в. немало выдающихся умов. Данная точка зрения наиболее полно и всесторонне отражена в исследовании американского философа Р.

Мак-Мастера, одного из основных специалистов по наследию русского ученого, – в его монографии «Данилевский. Русский тоталитарный философ» (1967).

Тоталитаризм, считал философ, имеет две стороны – западноевропейскую и русскую. Если западноевропейский тоталитаризм «романтичен», проповедует движение назад и является, по сути, «уродливой» формой идеализма, то русский более прогрессивен, материалистичен. Если первый «трансценденталистский», то второй – «имманентистский». Наиболее характерными «продуктами» западноевропейского тоталитаризма были Гитлер, Розенберг, их предшественники Карлейл, Гобино, Чемберлен, Трейчке и др. [5, р.8–9]. Русский же свое выражение нашел в большевизме, а его предшественниками были Чернышевский, Писарев, Ткачев, Бакунин. По мнению Р. Мак-Мастера, именно на них «опирался» Ленин. К предшественникам, не оказавшим влияния на формирование классического русского тоталитаризма, он относит Данилевского.

На наш взгляд, большинство «обвинений» в адрес ученого вызывались в первую очередь идеологическим подходом или субъективным фактором. Справедливы слова И. К. Пантина, что «быть в России мыслителем означает иметь мужество идти против общего течения, даже если оно представлено всем обществом, всей научной общественностью (порой поддержано властью), идти – потому что уверен в своей правоте, потому что иначе не можешь, не погубив себя умственно, нравственно, не предав дело, которому отдал жизнь» [7].

Данилевский в кризисный для России период смог выразить свое видение самобытного пути развития, свою объединительную народную, национальную идею, считая, что если и есть в народе что-то извечное, сокровенное, судьбоносное, то это национальное самосознание – осознание своей неповторимости, уникальности. И эту идею не надо искать в Европе, в других странах, она проста и гениальна, как и все остальное, что дала природа человеку. Достоинством любой нации, ее силой и мощнейшим объединяющим началом во все времена являлось одно качество – способность нации к самоуважению.

В вере в свою землю, непобедимость народа, в величии государей, полководцев, святых – видел Данилевский истоки русского патриотизма. Одним из первых во второй половине XIX в. ученый почувствовал феномен эпохального значения,

закрывающийся в росте национального самосознания русского народа. Осознание своей судьбы, своей предназначенности – вот что делает народ нацией, ставит перед ним цель. Без этого и целые цивилизации приходили в упадок и погибали. Без способности видеть будущее, отмечал еще Екклесиаст, народы исчезают.

Выделим основные положения, сформулированные в известном труде Н. Я. Даниловского, определяющие авторскую концепцию. Их можно разграничить по отдельным направлениям: во-первых, роль народа, нации, объединяющая идея; во-вторых, роль государства в жизни народа; в-третьих, некоторые особенности славянских (и русского) народов, «специфика» их задачи.

По мнению ученого, одной из главных, наиболее важных является мысль, что «каждая историческая национальность имеет свою собственную задачу, которую должна решать, свою идею, свою отдельную сторону жизни, которые стремится осуществить, – задачу, идею, сторону жизни, тем более отличные и оригинальные, чем отличнее сама национальность от прочих в этнографическом, общественном, религиозном и историческом отношении». Необходимое условие для осуществления этой «исторической миссии» заключается в национально-политической независимости. «Каждая народность имеет право на самостоятельное существование в той именно мере, в какой сама его сознает и имеет на него притязания». Исторический народ, считал Данилевский, должен собирать воедино все свои части, все свои органы, в противном случае он должен считаться «политическим калекою». «Для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгара (желал бы прибавить и поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея славянства должна быть высшею идеею, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них недостижимо без ее осуществления – без духовно, народно и политически самобытного, независимого славянства» [2, с. 133]. Славянство, отмечал Данилевский, не только не может угрожать порабощением всему миру, всемирным владычеством, а одно только и может противопоставить достаточную преграду мировой гегемонии, которую все более и более приобретает Европа.

Идея государства, по мнению Данилевского, «есть стройная плотная форма, приданная национальности для увеличения силы противодействия внешним враждебным влияниям, и соответствовать своему предназначению государство может лишь

тогда, когда будет “движимо” одной национальной идеей». Под идеей, образующей, объединяющей, сохраняющей государство, Данилевский понимал идею народности. Он был убежден, что всякая связь лиц, народов и государств возможна только при взаимности, обоюдности услуг и выгод. Ученый – решительный сторонник национальной политики, т. е. политики предпочтения народных интересов всяким другим, какими бы бескорыстными и возвышенными они ни казались.

Данилевский активно выступал против «европейничанья», которое накладывает на все национальное «печать низкого и подлого». Лекарством от данной болезни он считал «поднятие и возбуждение народного духа», что заставило бы встрепенуться все слои русского общества. Россия, по мнению ученого, должна быть «знаменосцем угнетенных народов». Верил, что «знамя, на котором будет написано: Православие, Славянство и крестьянский надел, т. е. нравственный, политический и экономический идеал народов славянского культурного типа, не может не сделаться символом победы, нашим «Сим победиши», которое внесет в наши ряды и ряды наших союзников уверенность торжества, ужас, смятение – в ряды наших противников» [2, с. 512].

Таковы взгляды Данилевского на обозначенную проблему. Можно сделать вывод, что автор «России и Европы» был твердым сторонником укрепления российской государственности, видя в ней единственную гарантию от угрозы потери народной самобытности.

На наш взгляд, у народа, особенно в кризисный период его развития, должна быть своя национальная идея, принимаемая им, придающая смысл всей народной жизни. В общем смысле национальную идею можно определить как осознание народом своей собственной самобытной истории и культуры в качестве ориентира на пути дальнейшего развития, с тем чтобы сохранить, развить все самое ценное из своей истории и внести в мировую сокровищницу народов. Можно вести дискуссии о содержании той или иной национальной идеи, но бесспорно, что ею нужно гордиться, она должна быть идеалом для настоящих и будущих поколений, помогая сохранить традиции народа. Конечно, в этой идее нужно оставаться на почве истины, различать утопию и реальность, но в любом случае национальная, народная идея нужна, даже с элементами утопии, нужна народу, чтобы иметь ориентир, цель, смысл жизни [6].

Существенные черты русской идеи формировались в процессе многовекового творчества народа, и возраст русской идеи, как отмечал И. А. Ильин, есть возраст самой России [3, с. 150]. Отдельные исследователи считали роковым для русской истории, для становления российской государственности присутствие варяжского элемента. Некоторые эту варяжскую проблему предпочитали замалчивать и даже активно отрицать. Другие, напротив, считали приглашение варягов истинно патриотическим подвигом [9]. Несомненно и то, что на формирование русского государства и общества сильнейшее влияние оказало так называемое татаро-монгольское нашествие. Пушкин считал, что именно оно остановило, затормозило просвещение народа, обрекло его на отсталость. Данный фактологический ряд можно продолжить...

В силу ряда уже обозначенных нами причин точка зрения Данилевского на народную идею не получила в свое время, да и позже, должного звучания и ее обходят авторы, пишущие о русской идее, хотя в свое время главный критик и оппонент теории культурно-исторических типов философ В. Соловьев отмечал, что именно в книге Данилевского «Россия и Европа» дано «спокойное и трезвое, систематическое и обстоятельное изложение этой идеи в ее общих основах и в ее применении к России» [9]. Для прежних славянофилов эта идея была по преимуществу предметом поэтического, пророческого и ораторского вдохновения.

Необходимо отметить, что русская идея является понятием сложным и неоднозначным, многогранным и многоаспектным, отражающим многовариантность исторического пути России. Наряду с религиозной русской идеей существует и революционная, социалистическая национальная идея. Русский социализм А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, учение о двуединой правде Н. К. Михайловского, народническая концепция П. Лаврова, другие теории, обосновывавшие своеобразие социалистического идеала в конкретных исторических условиях России, – все это тоже грани русской идеи.

Русская идея – это попытка понять и выразить своеобразие российской цивилизации, которая представляет собой уникальный социальный организм. Это своеобразие нашло свое отражение в русской идее в том отношении, что в ней были поставлены перед обществом цели столь же величественные, сколь и труднодостижимые, по крайней мере в обозримом будущем.

Смысл русской идеи как идеи общенациональной и

общегосударственной задается самим объективным ходом исторических событий. Он связан прежде всего с созданием такого многонационального государства, в котором все нации и народы могли бы жить и трудиться вместе, не обособляясь, не отделяясь друг от друга государственными границами.

Русская идея – это историческая мечта русских осуществить такое решение национального вопроса, которое могло бы послужить примером для всего остального мира. Объединить все народы в единую семью и раствориться в этом огромном этническом космосе, каким является на протяжении веков Россия, – вот в чем смысл русской идеи. Важным и принципиальным здесь является подход, что русский народ никогда не помышлял о создании своей, чисто русской государственности.

Собственно, из идеи славянского единства (Данилевский) и родилась русская национальная идея, являясь в то же время и российской идеей. Она всегда была открыта для культур многих народов, питавших ее своим колоритом и национальным своеобразием, в том числе белорусского народа (Франциск Скорина, Симеон Полоцкий), украинского (Григорий Сковорода и Феофан Прокопович) и др. Сегодня слишком большая ставка делается на европеизацию или американизацию российской жизни, т. е. надежда на решение российских проблем связывается с проторенною Западом дорогой. Философ К. М. Кантор в связи с этим отмечает: «Отвергнутый, осмеянный европоцентризм теперь снова восстановлен в своих правах... хотя еще Данилевский показал, что Россия принципиально враждебна Европе, Западу, российская прозападная интеллигенция этого не хочет осознать и нацелена на слепое подражание Западу. Поможет ли нам Запад? Думаю, что нет. Он будет поддерживать нас лишь в той мере, в какой это ему выгодно. Такой была политика до революции. Такой остается она и сегодня» [8, с. 4, 8]. Все решит, расставит по своим местам жизнеспособность культурного основания, витальная сила нравственного потенциала России. Запад, западные страны в своем развитии опирались на укоренившиеся там национальные, культурные, религиозные традиции. Следует учитывать и тот факт, что в Европе существуют нации-государства, т. е. государства, в границах которых расселены соответствующие этносы. Россия же всегда развивалась как полиэтническая общность. Россия – межцивилизационная, это цивилизация, которая сформировалась, впитав в себя ценности национальных и этнических культур

населявших Евразию народов [6].

Русская идея сегодня – уже в XXI в. – возвращается к своей основе, т. е. к идее объединения славян (белорусов и украинцев), народов, веками живших сплоченно и в единстве. В какой форме это было бы возможно, видимо, решат только время и народы. И инициатива создания такого добровольного объединения должна исходить от России, таков ее исторический удел. «Ведь расплыться по национальному принципу, – отмечал еще П. А. Сорокин, – значит, поворачивать колесо истории назад, а не вперед» [10, с. 251].

Сегодняшняя ситуация в славянском мире в какой-то степени напоминает ту, в которой создавалась Данилевским «Россия и Европа», а отсюда и интерес к его наследию. Однако не следует слепо переносить идею славянства 70–80-х гг. XIX в. в XXI в. и проводить параллели. Самобытные идеи исследователя имеют в наше время самое непосредственное отношение к проблеме восстановления народного самосознания в России, формирования патриотизма. Как писал Тойнби, если «научная мысль выдерживает пробный камень критики, то она остается звеном в золотой цепи знания. В общий бурлящий поток каждый ученый вливает свой кувшин чистой воды, и вечно живые струи устремляются полноводной рекой в пределы и времена, неведомые ныне живущим», а с другой стороны, «никогда не следует слепо верить авторитету, как если бы он был непогрешимым оракулом евангельской истины» [11, с. 41, 635].

Вклад Н. Я. Данилевского в русскую идею, наряду с другими российскими мыслителями, несомненен и весом, и он по праву вошел в историю философско-культурологической мысли, упоминается в одном ряду с такими известными учеными, как Нортроп, Шубарт, Шпенглер, Сорокин, Ортега-и-Гассет, Тойнби, Хантингтон.

---

1. *Абалкин, Л. И.* К цели через кризис. Спустя год... / Л. И. Абалкин. – М. : Луч, 1992. – 223 с.

2. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – СПб. : тип. бр. Понтелеевых, 1895. – 629 с.

3. *Ильин, И. А.* Родина. Русская философия. Православная культура / И. А. Ильин ; сост., авт. вступ. ст. Е. С. Троицкий. – М. : [Б. и.], 1992. – 160 с.

4. *Корелин, С. М.* Культурный кризис в Римской империи / С. М. Корелин // Русская мысль. – 1892. – № 6. – С. 57.

5. *MacMaster, R.* Danilevsky. A Russian Totalitarian Philosopher /

R. MacMaster. – Cambridge : Massachusetts, Harvard Univ. press, 1967. – 368 p.

6. *Михеев, В. М.* Межцивилизационная Россия / В. М. Михеев // Социальная теория и современность. Евразийский проект модернизации России : за и против. – М. : Луч, 1995. – Вып. 18. – С. 119–128.

7. *Пантин, И. К.* Россия в мире : историческое самоузнавание / И. К. Пантин // Вопросы философии. – 1993. – № 1. – С. 20.

8. *Россия и Запад : взаимодействие культур : (материалы «круглого стола»)* // Вопросы философии. – 1992. – № 6. – С. 4–8.

9. *Соловьев, В. С.* Русская идея : пер. с фр. / В. С. Соловьев. – М. : Путь, 1911. – 76 с.

10. *Сорокин, П. А.* Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост., предисл. А. Ю. Согомонов. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

11. *Тойнби, А. Дж.* Постигание истории : сб. : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ